

ПРАВИТЕЛИ РОССИИ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС,
ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ СССР

ГОРБАЧЁВ
МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ

Правители России

Тамара Красовицкая

**Генеральный секретарь ЦК
КПСС, первый президент СССР
Михаил Сергеевич Горбачёв**

«ИД Комсомольская правда»

2015

Красовицкая Т. Ю.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, первый президент СССР
Михаил Сергеевич Горбачёв / Т. Ю. Красовицкая — «ИД
Комсомольская правда», 2015 — (Правители России)

ISBN 978-5-87107-933-1

При нем Союз вздрогнул, как весенняя льдина и стал раскалываться, разбрасывая осколки от Востока до Запада. И все-таки, он молодец. Как ни крути, он сумел поднять Железный занавес и эти самые Запад с Востоком ринулись навстречу друг другу. Михаил Сергеевич Горбачев, безусловно, был выдающимся главой нашего государства. Кроме него, наверное, в русской истории были еще только четыре человека такого уровня и значения. Князь Владимир, крестивший Русь, Петр Первый, по меткому слову поэта «вздернувший ее на дыбы», Ленин, создавший первое в мире социалистическое государство и Сталин. Вся эта «великолепная пятерка» имела в сравнении с другими блистательными правителями России одно отличие. Время их правления отразилось как минимум на европейской истории, а как максимум – на мировой. Горбачев явление сложное. Не нам сейчас судить о его поступках, это надо взглянуть на них лет через сто. Запомнилось его время правления многословием, пустеющими прилавками, путчем ГКЧП, при нем сгинула самая влиятельная, она же единственная, советская партия – КПСС... Ему все время не везло, даже став первым президентом СССР, Михаил Сергеевич стал и последним президентом страны Советов. При нем Союз вздрогнул, как весенняя льдина и стал раскалываться, разбрасывая осколки от Востока до Запада. И все-таки, он молодец. Как ни крути, он сумел поднять Железный занавес и эти самые Запад с Востоком ринулись навстречу друг другу.

ISBN 978-5-87107-933-1

© Красовицкая Т. Ю., 2015

© ИД Комсомольская правда, 2015

Содержание

Детство и первые карьерные успехи	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Тамара Красовицкая

Генеральный секретарь ЦК КПСС, первый Президент СССР Михаил Сергеевич Горбачёв. 2 марта 1931 – 10 ноября 1982

«Я стучал в двери истории, и они отворились...»

Одну из своих книг-воспоминаний М. Горбачёв предварил эпиграфом, написанным собственноручно: «Если смотреть на вещи широко, исходить из того, как распорядилась судьба, сделав меня не просто участником одного из крупнейших поворотов истории, но и человеком, который инициировал процесс обновления и продвигал его, то можно сказать – мне повезло. Я стучал в двери истории, и они отворились, открылись и для тех, ради которых я старался. Я не стремился к власти ради власти и не пытался навязывать свою волю, чего бы это ни стоило».

Скорее всего, это искренняя оценка своей судьбы и жизни человеком, удовлетворенным и судьбой, и жизнью. Хотя из нее все же исключена самая знаменитая фраза: «Ну, всего-то я вам никогда не скажу». Это можно сказать о любом из нас, особенно не понаслышке знающих советские реалии.

Тем не менее Михаил Сергеевич выделяется из всех советских руководителей России. Во-первых, тем, что был «говоруном» в работе и многое порассказал и до сих пор рассказывает о себе. Во-вторых, ни один из советских руководителей не испытал на себе столь диаметрально противоположного отношения оценок своей деятельности.

О Горбачёве написано много книг, еще больше их будет написано. После Ленина он, наверное, больше иных руководителей страны в XX веке способствовал капитальным трансформациям мирового геополитического ландшафта. Цель же этой книги – понимая и учитывая эти трансформации, увидеть их начатки в обыденных жизненных, подчас житейских событиях, окружающих нашего героя и пережитых им.

Детство и первые карьерные успехи

2 марта 1931 года в селе Привольное Медведенского района Ставропольского края в крестьянской семье родился мальчик. Отец – Горбачёв Сергей Андреевич (1909–1976), русский. Мать – Гопкало Мария Пантелеевна (1911–1993), украинка. Предки по линии отца – Горбачёвы, переселенцы из Воронежской губернии. Предки по линии матери – горстка украинских крестьян, – спасаясь от голода, основали в 1861 году поселение Привольное – довольно большое село, как и многие на Ставрополье, три тысячи жителей. Эти украинские крестьяне далеки и от кавказских народов, и горцев, и равнинных. Взаимоотношения казаков и горцев будут для Горбачёва долгое время малочувствительны. Он так поздно спохватился, пренебрегая национальным вопросом в России...

М. С. Горбачёв с дедом Пантелеем и бабушкой Василисой. 1936 г.

Мальчика назвали Михаилом. Мария Пантелеевна Горбачёва тайно крестила своего первенца Виктора в церкви. Батюшка дал ему имя Михаил, вопреки тому, которым назвали его в семье. По другим данным, это дед Андрей Горбачёв, крестив внука в церкви села Летницкого, сменил имя Виктор, данное мальчику при рождении, на Михаила, неосторожно, может быть, поменяв ему судьбу: лишив шансов стать «Победителем», обрек на одинокую гордыню «Подобного Богу».

Об этом первый Президент СССР как-то рассказывал с огромным удовлетворением. Мотивы такого удовлетворения, по всей вероятности, в том, что имя Михаил происходит от библейского. Не зрел в будущее и сельский батюшка, переименовал Виктора в Михаила

согласно святцам. Материнское (дедовское) имя, возможно, больше бы помогало... Любопытно, годом раньше, месяцем раньше и днем раньше, 1 февраля, в селе Бутка Свердловской области родился его «Виктор-победитель» – Ельцин Борис Николаевич.

В 1931 году село Привольное входило в Северо-Кавказский край РСФСР. Оно удалено от городских центров и соответствующих городу благ. Ставрополь находился в 160 километрах от Привольного. Ближайший вокзал – на расстоянии 50 километров. Юный Михаил не покидал никогда пределов района лет до шестнадцати.

В наши дни земли села граничат с Краснодарским краем и Ростовской областью – это самый северо-западный населенный пункт Ставропольского края. Первым секретарем Ставропольского РК ВКП(б) в 1931–1933 годах был Самуил Иосифович Бенкин, репрессированный в 1938 году. В 1931 году маленький мальчик, конечно, не знал о том, что сам секретарь ЦК ВКП(б) Л. Каганович и сам председатель СНК СССР В. Молотов слали в край, где делал первые шаги маленький Михаил, грозные телеграммы: «ЦК отмечает, что на Северном Кавказе... в августе сорвано выполнение сентябрьского месячного плана хлебозаготовок... Северный Кавказ скатился до уровня хлебозаготовок значительно ниже прошлогоднего. Считая нетерпимым состояние дела хлебозаготовок на Северном Кавказе, ЦК требует такой мобилизации усилий всей краевой партийной организации, которая дала бы немедленный подъем хлебозаготовок и позволила бы полностью выполнить октябрьский план и наверстать упущенное в сентябре».

М. Горбачёв часто рассказывал, что в детстве он еще «застал остатки... дореволюционной и доколхозной деревни»: беспросветную бедность, чудовищную антисанитарию, «а главное – тяжелый изнурительный труд». Здесь он хронологически неточен. Доколхозную деревню он застать не мог. А вот беспросветную бедность, чудовищную антисанитарию, «а главное – тяжелый изнурительный труд» ребенок, конечно же, запомнил. Но он-то считал, что из этого ужасного состояния деревни в лучшую жизнь будет людей выводить советская власть и Коммунистическая партия. На самом деле это они и довели в короткие сроки деревню до такого состояния. Потом и очень медленно будет наступать какое-то облегчение в жизни. Бывший руководитель Пресс-центра ЦК КПСС Николай Александрович Зенькович записывал: «На совещаниях в ЦК говорливый генсек любил вспоминать эпизоды своего детства. Однажды на Политбюро, когда обсуждался его доклад, разговор коснулся коллективизации, и в моем блокноте появилась такая вот запись. (Это любопытное свидетельство того, что на Политбюро и при Горбачёве его члены не были искренни друг с другом.) Сам Михаил Сергеевич отгораживался от истины семейными прибаутками:

«М. С.: Я спрашивал свою бабушку Василису Лукьяновну:

– У нас с колхозами как шло?

– Да как, – говорит, – всю ночь твой дед гарнизует, гарнизует (организует. – *Н. З.*), а наутро все разбиглись...»

Горбачёв, будучи Генеральным секретарем, отгораживался от этой темы прибаутками: один дед был арестован за то, что не вступил в колхоз, а второй дед – за то, что слишком рьяно этот колхоз организовывал. Подчинить эти факты какой-то логике на посту Генерального секретаря КПСС невозможно... Хотя как-то Михаил Горбачёв заявил, что рассказы деда послужили одним из факторов, склонивших его к неприятию советского режима.

Результатом же выше упомянутых телеграмм был голод, и голод был страшный. В Привольном вымерла треть, если не половина села. Умирали целыми семьями, и долго еще сиротливо стояли в селе оставшиеся без хозяев хаты. Трое детей деда по отцовской линии Андрея умерли от голода. О деде Андрее известно, что он «характером был крут и в работе беспощаден – и к себе, и к членам семьи». Он не был склонен к общинному бытию: «Коллективизацию дед Андрей не принял и в колхоз не вступил – остался единоличником». Приходилось выживать. В 1934 году (Мише – три года) загремел как «саботажник» на лесоповал в Иркутскую область: он не выполнил план, спускаемый властями единоличникам. Крестьянам-единоличникам вла-

сти устанавливали такой план, который выполнить было просто невозможно. Семян не было, и план выполнять оказалось нечем. Бабушка Степанида осталась с двумя детьми – Анастасией и Александрой. Отец Горбачёва взял на себя все заботы. Дед Андрей в лагере работал хорошо, и через два года, в 1935 году, его освободили досрочно. Вернулся в Привольное с двумя грамотами ударника труда и теперь уже вступил в колхоз. Он старался держаться подальше от людей. Поскольку работать он умел, то скоро руководил колхозной свинофермой, она постоянно занимала в районе первое место. Опять дед стал получать почетные грамоты.

Когда Горбачёв упоминал беспросветную бедность, «а главное – тяжелый изнурительный труд», он больше имел в виду дом Андрея Моисеевича Горбачёва. Когда его старший сын Сергей женился в 1929-м на Марии Пантелеевне Гопкало, молодые поначалу жили именно в этом доме. Потом отделились.

Как жили его родители, Горбачёв об этом не рассказывает. Скорей всего – бедствовали. Президент ничего не говорит о том, какова была обстановка в семье его родителей после того, как они отделились от Андрея Моисеевича и стали жить самостоятельно. Об этом можно судить хотя бы по тому, что Мишины родители были довольны тем, что их трехлетний сын поселился в доме дедушки Пантелея, как-никак он – председатель колхоза.

Отец, Сергей Андреевич Горбачёв.

Этот, по материнской линии «дед мой, – вспоминал М. С. Горбачёв в книге «Жизнь и реформы», – Пантелей Ефимович Гопкало революцию принял безоговорочно. В 13 лет он остался без отца, старший среди пятерых. Типичная бедняцкая крестьянская семья. В Первую мировую войну воевал на турецком фронте. Когда установилась советская власть, получил землю. В семье так и звучало: «Землю нам дали Советы». Из бедняков стали середняками. В 20-е годы дед участвовал в создании в нашем селе ТОЗа – товарищества по совместной обработке земли. Работала в ТОЗе и бабушка Василиса Лукьяновна (девичья фамилия Литовченко, ее родословная своими корнями тоже уходила на Украину), и совсем еще молодая тогда моя

мать Мария Пантелеевна. В 1928 году дед вступил в ВКП(б), стал коммунистом. Он принял участие в организации нашего колхоза «Хлебороб», был его первым председателем». В 30-е годы дед Горбачёва Пантелей Ефимович возглавил колхоз «Красный Октябрь» в соседнем селе, в 20 километрах от Привольного.

В доме деда Михаил впервые увидел на грубо сколоченной книжной полке тоненькие брошюры. Это были Маркс, Энгельс, Ленин, издававшиеся тогда отдельными выпусками. Стояли там и «Основы ленинизма» Сталина, статьи и речи Калинина. Читал ли их Пантелей Ефимович, то неведомо, но «Основы ленинизма» и «Краткий курс...» обязательно должны были быть в домах партийных и советских функционеров. А в другом углу горницы – икона и лампада: бабушка – глубоко верующий человек. Прямо под иконой красовались портреты Ленина и Сталина. Это «мирное сосуществование» двух миров несколько не смущало деда. Сам он верующим не был, но обладал завидной терпимостью. Авторитетом пользовался колоссальным.

– Знаете, какая любимая шутка была у моего деда? – спрашивал, чтобы разрядить обстановку, Михаил Сергеевич. – «Главное для человека – свободная обувь, чтобы ноги не давило».

И пока внук не пошел в школу, он в основном жил с дедом и бабушкой.

– Любили они меня беззаветно, – вспоминал Михаил Сергеевич. – Чувствовал я себя у них главным. И сколько ни пытались оставить меня хоть на время у родителей, это не удалось ни разу.

Сельского парнишку выделяла любознательность и неумная энергия. Они распирали с детства маленького мечтателя, понуждали, по его собственному признанию, «что-то сделать». Добавим к этому смешанную русско-украинскую кровь двух семей переселенцев, осевших и породнившихся в Привольном. Смесь не только кровей, достаточно характерную для юга России, но и политических темпераментов его дедов.

Михаил должен был пойти в школу. Здание школы построил земский врач Белоусов в 1911 году на земле, подаренной церковью. Здесь были печи в каждом классе. Толщина стен 80 сантиметров! Летом в любую жару прохладно, а зимой в лютый холод – тепло.

Но школьные впечатления перебили другие: в 1937-м с дедом случилось несчастье, означившее конец детству. Арест деда Пантелея Ефимовича Горбачёв пережил столь болезненно, что, достигнув высоких партийных чинов и имея возможность затребовать следственное дело деда, не сделал этого – «не мог перешагнуть какой-то душевный барьер».

Горбачёв пишет о советских реалиях без гнева. Чувствуется, что как человек, родившийся через четырнадцать лет после октябрьского переворота, он уже не знал иной жизни и принимал коммунистическую тиранию не как нечто чуждое, а скорее как «свое» – пусть и грозное и жестокое. Прочитал дело об осужденном Пантелее Ефимовиче только в 1991-м. Только тогда он узнал, что, находясь под следствием, Пантелей Ефимович провел в тюрьме 14 месяцев, вынес пытки и издевательства. От расстрела спасло изменение «линии партии», февральский пленум 1938 года, посвященный «борьбе с перегибами». Дед Пантелей вернулся в Привольное и в 1939 году вновь был избран председателем колхоза.

Перед самой войной жизнь как-то начала налаживаться, входить в колею. Колхоз начал выдавать зерно на трудодни. Дед Пантелей сменил соломенную крышу хаты на черепичную. Появились в продаже патефоны. Стали приезжать, правда, кинопередвижки с показом немного кино. Откуда-то, хотя и нечасто, привозили мороженое.

Горбачёв пишет, что в свободное от работы время, по воскресеньям, семьями выезжали отдыхать в лесополосы. Мальчишки гоняли мяч, а женщины делились новостями да присматривали за мужьями и детьми. Здесь Михаил Сергеевич скорее пересказывает местный вариант «Кубанских казаков»: лесополосы как часть «Сталинского плана преобразования природы» появились после засухи 1946 – 47 годов.

В один из воскресных дней, 22 июня 1941 года, утром, пришла страшная весть – началась война. Все жители Привольного собрались у сельского совета, где был установлен радиопродуктор, и затаив дыхание слушали выступление Молотова. К началу Великой Отечественной войны Михаилу было 10 лет. Он сам пишет, что помнит все, «многое, что пришлось пережить потом, после войны, забылось, но вот картины и события военных лет врезались в память навсегда». За считанные недели опустело село – не стало мужчин. Повестки привозили ближе к ночи, когда все возвращались с работы. «Сидят за столом, ужинают, вдруг – лошадиный топот. Все замирают... нет, на этот раз посыльный проскакал мимо. Отцу, как и другим механизаторам, дали временную отсрочку – шла уборка хлеба, но в августе призвали в армию и его. Вечером повестка, ночью сборы». Утром отправились за 20 километров в райцентр. Всю дорогу – нескончаемые слезы и напутствия. В райцентре прощались. «Бились в слезах женщины и дети, старики, рыдания слились в общий, рвущий сердце стон. Последний раз купил мне отец мороженое и балалайку на память».

К осени остались в селе женщины, дети, старики да из мужчин – больные и инвалиды. И уже первые похороны стали приходить в Привольное. «Опять по вечерам со страхом ждали конского топота. Остановится посыльный у чьей-то хаты – тишина, а через минуту – страшный, нечеловеческий, невыносимый вой». Горбачёв станет первым из партийных лидеров, для кого смерть была рядом, тканью повседневности обволакивала его село. Смерть сельчане переживали вместе: большинство погибших на той войне – соседи и родные, их не хоронили с салютом, и им не ставили ни крестов, ни пирамидок со звездой.

Мальчишки военной поры входили во взрослую жизнь. Забыты забавы, игры, оставлена учеба. Целыми днями по горло всяких дел.

Все новости о войне черпали из единственной газеты «Правда». Для всех читал теперь ее Михаил. Новости шли невеселые. Михаил с мальчишками, лихо распевавшими перед войной: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим», надеялись, что вот-вот фашисты получат по зубам. Но врагу сдавали город за городом. К осени враг оказался у Москвы и совсем близко – под Ростовом. С конца лета 1942-го от Ростова через ставропольские степи покатались волны отступающих. Брели люди – кто с рюкзаками или мешком, кто с детской коляской или ручной тачкой. Меняли вещи на еду. Иногда поселялись в пустующих хатах. Гнали коров, табуны лошадей, овечьи отары.

Первая зима военной поры была ранней и суровой. Часть хат – вместе с постройками, скотом, птицей – оказалась под сугробами. Из домов делали проходы, тоннели, откапывая соседей. Снег пролежал до весны – настоящее снежное царство. Трудно было ухаживать за скотом. Совсем плохо – с кормлением колхозных животных: сено осталось на полях, а дороги замело. Что-то надо было делать. С большим трудом пробили дорогу, начали возить сено. Все это делали молодые женщины, и среди них мать Михаила. Поздними вечерами женщины собирались в чьей-то хате, чтобы обсудить новости, читали полученные от мужей письма. На этих встречах и держались.

Горбачёв вспоминает, что в один из метельных дней мать и несколько других женщин из поездки не вернулись. Прошли сутки, двое, трое, а их нет. Лишь на четвертый день сообщили, что женщин арестовали и держат в районной тюрьме. Оказалось, они сбились с пути и нагрузили сани сеном со стогов, принадлежавших государственным организациям. Охрана их и забрала. Дело едва не обернулось драматически: за «расхищение соцсобственности» суд в ту пору был скорый и строгий. Спасло одно – все «расхитители» были женами фронтовиков, у всех – дети, да и брали они корма не для себя, а для колхозного скота. Трудно перечислить все тяготы, свалившиеся на женщин, которые ежедневно наблюдал Михаил. Но он видел, как мать и соседские женщины находили в себе силы каждый день снова и снова делать дело, стойко нести свой тяжкий крест. Летом мать засветло начинала копать или полоть, затем передавала начатое мальчику, а сама – на колхозное поле. Главной обязанностью 11-летнего сына стала

заготовка сена для коровы и топлива для дома: из прессованного навоза готовили кизяк, он шел на выпечку хлеба и приготовление пищи.

Почта приходила редко. Радиоприемников в селе тогда еще не было. Но когда газеты все-таки получали, их прочитывали от строчки до строчки.

«Хорошо помню, с какой радостью встретили мы известие о том, что Москва устояла, немцы получили отпор. И еще – пришла с «Правдой» совсем маленькая книжица под названием «Таня» – о партизанке Зое Космодемьянской. Я читал ее собравшимся вслух. Все были потрясены жестокостью немцев и мужеством комсомолки».

Михаил рассказывает, как впервые увидел залп «катюш»: по небу со страшным свистом летели огненные стрелы... Собрав свои пожитки, ушли неизвестно куда бабушка Василиса и дед Пантелей. Как коммунисту и председателю колхоза деду оставаться было очень опасно.

От Ростова и до Нальчика немцы двигались, практически не встречая сопротивления. Наши войска были дезорганизованы. Знаменитый летчик А. А. Покрышкин рассказывал, что в августе 42-го ему удалось взлететь с аэродрома на окраине Ставрополя в момент, когда немцы уже подходили к нему. Хорошо, что Привольное находилось вдалеке от железной дороги. Мальчик не видел таких сцен, какие описал его ровесник из Ростовского ремесленного училища В. Мирошниченко: «...дадут на пункте 200 граммов хлеба и суп. И все!...В товарном вагоне нас ехало 65 человек. Спали на полках и на полу, так, что ночью даже места не хватало. Днем ничего – человек 20–30 едут на крыше, и в вагоне свободней. Один раз помню, не было долго питательного пункта. Так на наш вагон (всю жизнь помнить буду) выдали из резерва булку хлеба. Вот мы, значит, съели ее: каждому досталось по 1/65 части булки до следующего дня». Запасы продовольствия, обмундирования уничтожались специальными командами, в которые входили представители администрации и НКВД. В конце сентября 1942 года в Махачкале уполномоченный Краснодарского крайкома ВКП(б) по учету эвакуированного населения Осипов подчеркнул, что «самым позорным явлением для нашего края является эвакуация школ ФЗО и РУ».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.